

A close-up portrait of a middle-aged man with short, wavy grey hair and light blue eyes. He is wearing a white collared shirt. The background is a soft-focus outdoor scene with green foliage and yellow flowers. The title 'Безвременье' is overlaid in a large, white, serif font across the center of his face.

Безвременье

Дмитрий
Барабаш

Дмитрий Барабаш

Безвременье

«Издательские решения»

2014

Барабаш Д.

Безвременье / Д. Барабаш — «Издательские решения», 2014

Предельно сжато и образно автор подводит итоги прошлого века. Пытается дать ответы на вопросы: с чем мы завершили миллениум, как и почему мы оказались в эпохе безвременья? Гражданская, философская, любовная лирика. Необычная ясность мысли и прозрачная глубина образов – редкое явление в современной литературе.

Содержание

Подбор ключей к разгадке поэмы	6
Безвременье на петле ремня	8
Бертолетова соль	13
Зелёное солнце	15
Жизнь возле жизни	16
Плотские радости	18
Дети безумия	21
Семейная рассада	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Безвременье

Дмитрий Барабаш

© Дмитрий Барабаш, 2014

© Адель Вейс, обложка, 2014

Редактор Адель Вейс

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Подбор ключей к разгадке поэмы

*Футболист чеканит мячик.
Не даёт ему упасть.
То на щёчку, то на пальчик.
Власть оттачивая страсть.*

*Футболист смотрит свирепо
В опустевший стадион.
Ни души, лишь он и небо,
Он и мячик тоже – он.*

Начну с названия: «Безвременье на петле ремня».

«Безвременье, смутное время» – устоявшееся в исторической литературе определение для периода, известного как «семибоярщина» и характеризующегося отсутствием сильной власти и последовательным появлением двух (наиболее известных) претендентов на престол – Лжедмитриев, разорением Руси, обнищанием крестьянства. Подсознание или умысел автора таким образом, даёт как один из возможных скрытых ключей к разгадке поэмы часть имени одного из двух главных героев, характеризуя его как «лже» – возможно, за склонность к лукавству, двусмысленности, лживости.

В первых двух строках (пойдём чуть-чуть далее названия) персонаж объявлен «чёрным ангелом» – с большой долей вероятности – аллюзия «чёрного человека» Сергея Есенина, что придаёт в купе с перечисленными качествами некий налёт инфернальности персонажу, будто бы имеющему контакт с самим отцом лжи – дьяволом.

Привкус суицидальности ли, экзекуции ли, казни возникает при попытке вообразить эту придающую неприятную вещественность абстрактным понятиям словесную формулу.

«Петля ремня» – полу– или недоанаграмма «петли времени», как и сам оттенок незавершённости, очевидного изъяна, ненормальности и образа «безвременья», и исторического периода, им обозначенного, идёт ли речь об упомянутых эпохах или о том времени, в течение которого разворачивается действие поэмы.

«Петля ремня» – перевёртыш (возможный отсыл к повести «Весенние перевёртыши» полузабытого теперь В. Тендрякова о становлении, взрослении). Перевёртыш, подобный тому, как овчинный тулуп селянина, вывернутый мехом наружу в Святочную ночь, становится то ли одеянием, то ли покрытой шерстью кожей не князя тьмы, но одного из его агентов, прислужников, адептов – «мелкого беса».

«Петля ремня» у нас в сознании стремится вывернуться и обернуться только мысленной и непредставимой в качестве объекта «петлёй времени», одновременно являя потрясённому читателю собранную из несопоставимых по законам логики предметных и абстрактных понятий и реалий словесную конструкцию, в которой явно проступает мерцающий, дрожащий подобно мареву, образ современной России – столь явно обозначившийся в начале 90-х годов прошлого века и полновластно воцарившийся в нулевых.

Довольно страшноватый итог – «петля ремня», которым завершается попытка то ли автора, то ли героя, то ли самой власти соединить распавшуюся связь времён. Ощущение безвоздушности, удушья, желание глотка свободы как глотка жизни. Таким, наверное, и будут помнить начало XXI века разочарованные и удручённые потомки «промотавшихся отцов», то есть тех героев ли, жертв ли времени, чья молодость и зрелость пришлись на безвременье миллениума на *трёхнулевые года*, по выражению автора поэмы.

«Петля времени», петляющее шаткое ненадёжное время, ещё и штамп фантастической, научно-популярной и космологической литературы, означает закольцованность, повторяемость с оттенком безысходности.

В традициях фантастической литературы обычно разрешать коллизию «петли времени», проводя главного героя через цепь смертельно опасных приключений к вожделенному призу – свободе, любви, иногда богатству (возможно, в рамках поэмы заменённому на поэтическое бессмертие), благодаря или необыкновенному везению обычного человека, или внезапно открывающимся у него сверхспособностям и приобретаемым волшебным образом сверхумениям. Не обходится (приоткрою тайну) и без «Бога из машины». В этом качестве предстаёт сам всемогущий автор, словно Фауст извлекающий главного героя из небытия.

Странно употребление предлога «на» петле вместо ожидаемого по всем правилам русского языка выражения «в петле». Ведь «на» положение на поверхности, отсюда услужливое воображение вместо возможной петли висельника предлагает некую имеющую одну сторону, одну нескончаемую поверхность «петлю, ленту Мёбиуса», характеризующуюся невозможностью героя, находящегося на ней, сколько бы попыток он ни сделал и какой бы маршрут ни выбрал, – перейти на другую сторону, найти выход.

Таковы смыслы, приоткрывающиеся при первом знакомстве с текстом.

Дмитрий Невелёв

Безвременье на петле ремня (поэма)

1

Чёрный ангел некрасив
и совсем не чёрен.
Он бывает лыс и сив,
мелок и проворен.
Он бывает жгуче-рыж,
толст и лучезарен.
Он бывает сер, как мышь,
скромен, как татарин.

2

У меня был добрый друг —
талмудист и логик,
кругом – плуг земных наук,
Людвигом – Людовик,
ледовитостью морей
чернотой суши —
замечательный еврей
был смелей снаружи
прочно запертых дверей
и в осколке лужи
видеть мог проём окна,
уходящий выше,
чем высотные дома
задирают крыши.
Был изрядно он учён,
потому и думал,
что, чем больше книг прочёл, —
тем красивей плюнул
на условностей кольцо,
на законы веса, —
стал простым, как колесо
или поэтесса.

3

Он поехал на войну.
Гордые чечены
рассказали, почему
их спасают стены
скал Кавказа. Горный лес,
как своя рубаха,

ближе к телу, чем прогресс,
и теплее страха.
Они пили кровь из вен,
ели мясо с плоти.
В простоте не до измен
– как орлу в полёте
ни до сна и ни до зла
не бывает дела.
Где там царская казна,
где здесь небо, где весна,
где воровка Бэла?

4

Вот с печоринской тоской
он с войны вернулся,
и в людской земной покоей
заново проснулся.
Революция, костры,
Ельцин, баррикады.
Были рвения чисты,
пламенели взгляды.
Он поехал в Белый дом:
– Автомат дадите?
Да-ди да-ди да-ди да,
раскалились провода.
Телефонные разборки,
и войска вернулись в норы.

5

Так закончилась держава,
распадаясь на куски,
перекошена и ржава.
Ликовали дураки:
подавайте им свободы
от порядка и труда.
Закружили хороводы
в занулённые года.
Так закончилась эпоха
ожидания конца.
И не то чтоб очень плохо,
и не то чтоб слегонца.
Жизнь как надо, так и била.
Продолжается распад,
чтоб из пепла, чтоб из ила
вырос новый зоосад.

6

Друг наш был чуть-чуть причастен
к этой суетной возне,
видел войсковые части
и на танковой броне
рисовал слова о мире
и светло смотрел туда,
где в психушечном сортире
звонко капала вода.

7

Но об этом чуть позднее...
Потерявши интерес
к переменам в сучьем мире,
к распасовке сырных мест,
он решил искать изьяны
всюду, где способен ум,
где бананы обезьяны
делят, захвативши ГУМ,
суммы прибылей итожат
и качают нефтегаз.
Все куда-то что-то *ложат*,
про какой-то там запас.
Диковато, страшновато,
как в Сухуми в день войны —
обезьяны, обезьяны,
свиньи, трупы, пацаны,
поливающие красным
серый пасмурный асфальт.
Хороши людские массы.
Ирвинг Шоу, Оскар Уайльд,
Борхес, Сэлинджер, Бердяев
– не спасительный заплыв.
Обезьяны смотрят в окна,
рты клыкастые открыв.

8

И тогда герой наш трудный
жить решает поперёк.
И одним прекрасным утром
отправляет в «Огонёк»
фотоочерк о злодействах,
о безумиях войны,
о жиреющих семействах
на развалинах страны.
А потом берёт «Лимонку»
и газетной полосой

в службу одному подонку
бьёт с размаха по другой...

9

Так рассудок раздуален —
Янус, анус, рыбий глаз.
Кто там – Троцкий или Сталин?
Пастернак или Булгарин?
Чацкий или Фантомас?
Всюду *ездют* машины,
люди в штатском тут и там.
Словно цапля бьёт с вершины
острым клювом по пятам.
И на брюшке, как лягушка,
ускользая от властей,
наш испуганный Петрушка,
словно рыба без костей,
научился сквозь решётки,
мимо пуль, тончей чем щель,
находить в своём рассудке
одинаковых плащей
недосмотры, верхоглядство
и скользить, скользить, скользить.
Пить то водку, то лекарство,
лишь бы день ещё прожить.

10

Тяжело дышать в угаре
можно месяц, можно три.
Говорят, соседский парень
удавился на двери.

11

Снова запертые двери.
Снова окна не туда.
Снова каждому по вере.
Снова счастье и беда,
как свобода и убийство
заплелись в один узор.
Как тут, братец, не витийствуй
и не ширь свой кругозор,
если ты блюдёшь законы
жития для бытия,
деревянные иконы
словно крышка для тебя.

Удивительная штука.
Вот, казалось бы, финал.
Вроде больше нету друга.
Кто-то друга доконал.
Здесь пора поставить точку,
сделать вывод и мораль.
Только суждено листочку
приоткрыть святой Грааль.
Не по вымыслу писаки,
ни по сказочной игре,
а затем, что свищут раки
соловьями на горе,
то ли ленинской, а то ли
воробьёвой. Свист такой,
что бумага поневоле,
тянет ручку за рукой,
заставляя ум поспешный
медлить словом при письме,
преломляя призрак внешний
в образ вечный, близкий мне.

Бертолетова соль

13

Я один остался в поле
боя неба и земли.
Мы три пуда съели соли —
бертолетовой зимы.
Мне ж теперь – ещё три пуда,
словно заключил пари...
Ты куда слинял, паскуда?
– Милый мой, ты у меня внутри.

14

В ту тоску, не ведая закона,
как заблудший Фауст из огня,
я позвал. И старая икона
мне кивнула. Не прошло и дня,
словно испарились некрологи,
позабылись слухи, словно ты
не ходил по той чумной дороге
и не пил отравленной воды.
Появились новые рассказы
о твоей не сказочной судьбе,
будто ты посажен за проказы
в психбольницу новым *KeGeBe*.

15

Хором древнегреческих трагедий,
родом из студенческих времён,
как медведи на велосипеде,
выехали несколько имён.
И запели вести о герое
времени не нашего, не тех
деловых побудок и отбоев,
где умами властвует успех.
Чем-то ты их сдуру осчастливил —
и решили клетку приоткрыть,
выпустить по солнечным извивам
погулять и рыбку половить.

16

Встретились. Молчали. Отвечали.
Без вопросов. Точно и впопад.
И берёзы гривами качали.

И молчали тени за плечами
И боялись посмотреть назад.
Пили пиво крепкое со спиртом,
в соль земную окуная хлеб.
Был одет ты в тело, словно в свитер,
как на кол натянут на скелет.

17

Вот в одну из встреч таких, где слово
уходило на вторую роль,
ты сказал, что там со мной готовы
говорить, – и ты уж соизволь...

Зелёное солнце

18

Не вдаваясь в длинные детали,
я скажу вам, что за пять минут
я узнал так много, что едва ли
сто веков в свои кресты вожмут.
То – оно, – похожее на солнце
и на книгу в круглом переплёте,
где слова меняются от взгляда,
где всё было, есть и будет вечно,
где одной рукой подать до ада,
а другой – до рая... Бесконечно
всё, что появилось. Всё, что будет, —
ведомо, и не мешают страсти.
Где разбить единое на части
невозможно. Где земля – песчинка.
Где вселенных больше, чем иголок
хвойных в неосвоенной Сибири.
Где пушинка весит больше гири.
Где снежинка светит дольше солнца.
Говорить об этом – всё равно что
говорить сто тысяч лет без права
переписки. Тысяч лет без права,
хоть на миг прерваться, хоть на слово
отклониться влево или вправо.
Не в земной и не в телесной власти
рассказать о той бескрайней силе,
но пытаться буду
даже после —
и в золе, и в слякотной могиле.

19

– Я увидел луч зеленоглазый,
в нем живые буквы слой за слоем...
– Интересно... у тебя зелёный?
Я там вижу красные глаза.
Вот и все, что мы тогда сказали.
Три страницы света пролистали
в сказочном альбоме бытия.
Извините за нелепость «я»
вылезшего автора в рассказе
о герое во вторичной фазе
безвре́мья, на петле ремня.

ЖИЗНЬ ВОЗЛЕ ЖИЗНИ

20

Что же было дальше,
что же дальше,
или после, или рядом, возле?
Что ни вспомню —
сладкий привкус фальши.
Этот самый горько-сладкий запах.
Жёлтая, моргающая осень...
Снова появились люди в шляпах,
и упала на бок цифра восемь.
Солнце в спицах велотренажёра,
рвущего реальность на полоски.
Собирали пазлы. Шум мотора
и голодных кошек отголоски.
Ночь сходила мимо, как на сцене.
Так же тихо наступало утро.
Никакого смысла нет в системе.
Во вселенной звёзды словно пудра,
сдунутая женственным гримёром.
Люди расползаются по норам.
Книги расставляются по полкам.
И сквозь взгляд со лба спадает чёлка.
Тени от фонарного столба
тоньше волоса и многократно дальше.

21

– Помнишь, у прекрасной португальши,
что училась с нами курсом старше,
был в глазах испуг и глубина,
словно бы дотронулась до дна
и забыла все слова и нравы.
Так она курила только травы.
И такой отравы, как она —
ни один, не то что ни одна,
не пускал по дребезжащей вене.
Ты ж торчишь, почувствовав в системе
перебой. И взгляда из окна
хватит для испуга и покоя.
Не запой у нас, мой друг, другое —
пробуждение от земного сна.

22

Вслед за осенью, как бы минуя зиму,

наступила новая весна.
Время выпало. Там ничего не помню.
За секунду дней наверно сотню
и полсердца отдал за коня,
чтоб дожить до следующего дня.

23

Ты как будто знал. И глазки тупил,
издавая мелкие смешки.
Под глазами чёрные мешки.
Банка водки и цыплёнок в супе.
Пили до ночи. И тут ты захотел
повидать жену. Их было много.

Плотские радости

24

Герой наш в женщинах искал
ни прелесть глазок или тела,
ни щедрость ласок, ни себя,
а то, что женщина хотела
в себе самой изобразить,
сыграть, напудрить, приукрасить.
Любую мог мой друг уластить,
себя позволив соблазнить.
Любил ли он? Кого любить?!
В нелепом, глупом и дебелом
ребёнке? Всё равно что мелом,
штрихом небрежным по доске,
наметить милую мордашку
с искринкой хитрой на соске
и сохнуть от неё в тоске.

25

Он был мудрей. И даже в школе,
когда замучили прыщи,
не дал рукам игривым воли.
Сказал себе: «Давай, ищи
решенье суетной тревоги».
И тут же подвернулись ноги
из класса старше, жаркий рот,
и он продвинулся вперёд
в своей практической науке,
что надо делать всё от скуки
и ни дай Бог наоборот...

26

Бесстрастно беребя за кудри
и глядя в мокрые глаза,
он был как свежая роса
на паутинке. Стрекоза
вокруг себя кружилась в утре,
в него как в зеркало смотрясь.
И паутины липкой вязь,
и паучка весёлый хобот...
Он знал, что даже жалкий хоббит,
земным наукам обучась,
всех аполлонов и сократов
в постельной битве втопчет в грязь.

«Брезгливость? – глупая уловка,
которой прикрывают лень» —
так порешил наш полукровка
и женской плоти *пелемень*
к пятнадцати годам откушал,
забыв томленье и прыщи.

27

Ах где они?! Ищи – свищи
тех страстных бабочек порханья,
румянцы, спёртые дыханья,
альбомы с тайнами души,
прекрасных принцев ожиданья,
и ручек нежные дрожанья
под простыней в ночной тиши...

28

Мне не в чем укорять героя.
Зачем болеть и голодать,
коль можно яблоко сорвать
и съесть, не нахлебавшись горя.
Цинично с глупостью играть?
Ещё циничней – ей поддаться.
Раз дурочки хотят играть,
так почему не поиграться?!
Они играют всерьёз!
Они готовы прыгнуть с крыши!
Принц их на остров не увёз,
на бал их не умчали мыши...
Их жизнь не потому скучна,
вульгарна и как ил кромешна,
что мудрый принц их свёл с ума.
Когда б Офелия безгрешна
была сама...
Она б с ума...
И так смешно и безутешно
всему назначена цена.
Лолита! Тоже мне Лилита...
элита женского ума.
До Беатриче ль Боттичелли?! —
уж лучше посох и сума.

29

Итак, о жёнах.
Было их штук шесть,
а может быть, и восемь.

Все в романтическом гипнозе,
в быту и как-то между книг,
где оставались промежутки.
А чтоб занять их скорбный ум
наш друг плодился. Детский шум
глушил сомненья и с похмельем
был очень схож. Отцовский нож,
что плотницкий, стругал из плоти
черты знакомого лица.
Они как на автопилоте
стремились повторить отца.
И если первую забаву
я понимаю – ласки баб
смягчают каверзный ухаб
судьбы. То шустрое потомство —
котом, мурлычащим в ногах,
хвост задирает и смеётся:
«Ты скоро обратишься в прах,
и все твоё ко мне вернётся».

Дети безумия

30

Тургенев! Трах да тибидох.
Зачем ему отцы и дети?!
Уроки, зубы, ласки, плети
и геморрой пока не сдох.
Как будто бы он думал так,
что «воплотится в каждом чаде
глава неписаной тетради,
вершина призрачной горы,
к которой я стремлюсь добраться.
И та, которая за ней,
и те, которые за ними, —
вершины мыслящих детей!
Я на земле останусь в сыне!
И буду дальше продолжать
к небесным высям восхождение.
Так шли мои отец и мать...
Но, чёрт возьми, законы тленья!
И время узенький удел!
И кандалы на брэнной мысли...
Чего же я от них хотел...
и почему они прокисли,
те щи больничные...
и вкус
металла на капусте

31

метла над улицей светала,
и в каждом взмахе листик грусти
ложился мне на одеяло...
Вот санитарка записала,
что я хочу писать о Прусте...
Она вчера запеленала
меня в крахмально-синем хрусте
с улыбкой детского оскала,
когда наслушалась в Ла-Скала,
как Демис Руссос пел о чувстве,
её халат белее сала
и Вуди Алена в искусстве.

32

С детьми уже, хлебая горя,
Лжедмитрий приближался.

Воря
ему казалась неприступней
Днепра и Волги.
Злые волки
объединной игрались ступней
Сусанина.
Дни становились злей и судней.
Одетый в шкуру печенег
ел печень наших серых будней.
И в небо капала с ножа,
как снег, над льдинами кружа,
по капле каждая секунда.
В дежурном свете, нежно ржа,
к звезде, усевшись на верблюда,
копытом оставляя след,
и там – невидимы при этом,
шли ангелы... Автопортрет
вождя смотрел на нас,
секретом
и страхом собственным страша.
Когда б писал во сне, поэтом
я стал бы.
Чёрная дыра
рассвета всасывала мысли,
способность прыгать тут и там,
по крышам лазить и кустам
взбивать нахохленные перья.
Реальность гаже и тошней,
в ней невозможно даже дней
порядок лестничный нарушить.
Когда я вышел из дверей,
я оказался весь снаружи.
И силюсь вспомнить и решить
недорасслышанное слово.
Я знаю, что оно основа,
но снова начинаю, снова —
куда ступать и не грешить?

Семейная рассада

33

Итак, мы в ночь к одной из жён
таксомотором в Подмосковье.
Багажник пивом *загружён*,
и по щеке слеза любовь
течёт за ворот шерстяной.
Он был растроган или пьян,
петлял водитель между ям,
нас наносили на экран
лучи летящих встречных фар
сквозь морось и машинный пар.

Чем дальше осень от Москвы,
тем первобытней слякоть ночи.
И если отключить мозги,
то за окном уже ни зги,
и только двигатель клокочет,
и фары серебрят виски,
чертополохнутых обочин.
Пробиться к свету без столбов
фонарных мы уже не можем,
как будто проводок проложен
из центра по ложбинкам кожи
и по морщинам узких лбов
до зренья, до его основ.
Электрик властен и безбожен.

34

Гораздо лучше по утрам,
когда трава одета в иней
и в сером небе *облак* синий
скользит как шарик по ветрам.
И куст заснеженной полыни,
как хворост в сахарной муке,
ни грустью зябкою простужен,
а вышел в поле налегке,
где никому никто не нужен,
где никому никто не важен,
где никому никто не страшен.
Вот так свободно, налегке,
все оставляя вдалеке,
он отражается в реке,
а не в застывшей за ночь луже.

35

В провинциальном октябре
есть всё, что было до начала, —
там так же карканье звучало,
и так же в хрупком серебре
сосна иголками качала
и лист кружился запоздалый.
С глазурным пряником в руке
нас осень праздником встречала.

36

Приторможу. Тут мой рассказ
вильнул в запретный заповедник.
И критик, предводитель масс
читающих или последних
не масс, а пригоршней людских,
воскликнул: – «Автор этот стих
стащил у знатного поэта,
который славой окрылён,
литфондом признан, как же он
надеется, что не заметят
в словесных играх плагиат?!
Вас ждёт – литературный ад,
забвенье и позор гремучий!
Ни царь, ни чёрт, ни подлый случай,
Ни одуряющий распад
культуры не прикроют зада.
Плоды классического сада
жрецы надёжно сторожат».

37

– Спасибо за науку, дока!
Как орден в лацкан, рифму «доктор»
воткну тебе промеж наград.
Я вор! Тем счастлив и горжусь.
Всё что люблю, беру себе —
и луч весны, и лёд крещенский,
и море горькое, и венский
батон хрустящий под рукой.
Кто вам сказал, что я другой
и радости мои иные?
Я всякий раз, как снова, рад,
встречая мысль в знакомых строчках,
как тот, любимый с детства взгляд,
как самиздатовских листочков
запретный плод. Я вор! Я тот,

кто, не найдя друзей во встречных,
нашел их между звёздных нот
гусинопёрых и подсвечных,
завитых ловким вензельком,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.